

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья

УДК 1(091)

EDN: QUAUVF

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14

ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА КАК ОСНОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Наталья Геннадьевна Коваленко

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Пушкин, Россия

nataly6707@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В настоящем исследовании сделана попытка обоснования философии символизма как методологии современного гуманитарного познания на примере анализа такого историко-культурного феномена, как эпоха Серебряного века. Это время стало одной из цивилизационных особенностей России и примером саморазвития отечественной сферы духовной культуры. Именно в рамках культуры Серебряного века произошло теоретико-методологическое обсуждение и выявление значения теории символического для постижения сущности бытия. Символ как инструмент синтеза мифологического и религиозного уровней духовной культуры стал тем мостом, что объединил внешний и внутренний мир человека как личности. Символическое обеспечивает единство сферы культуры и индивидуального сознания отдельного человека. Актуальность исследования подтверждается тем, что сегодня на повестку дня выходит необходимость упрочения традиционных ценностей духа, а символ исторически и является такой ценностью. *Материалы и методы.* Источниковедческой базой работы стали классические философские труды отечественных мыслителей (Бердяева, Лосского, Лосева, Флоренского) и теоретиков философии символизма в ее художественно-эстетической форме эпохи рубежа XIX–XX вв. Методологически оправдал себя главный метод исследования – культурно-сравнительный с опорой на принцип историзма. Он позволил аргументированно доказать тезис о том, что символическое как означивание или ознаменование стало фактором формирования человеческого мышления и языка, а связь мифологического и религиозного есть начало духовности человечества. *Результаты.* К основным результатам данной работы следует отнести доказательство идеи выдающегося деятеля культуры Серебряного века А. Ф. Лосева о символе как целостности объективной реальности, которая охватывает собой элементы абстрактного мышления: противопоставление элементов действительности; слияние этих элементов в синтетическое целое; обобщение эмпирического опыта в виде теоретической доктрины. По Лосеву, символ вещи – в выявлении внутренней закономерности. *Выводы.* Общим выводом исследования является тезис о том, что русская философия символизма и символизм как методология анализа эстетического в культуре Серебряного века оказали самое заметное влияние на отечественную и европейскую духовные культуры попыткой выразить глубинные переживания человека как личности. Экзистенциальная направленность русского символизма востребована и сегодня не только в историко-философском плане, но и в плане практическом по сохранению отечественных традиционных ценностных ориентиров.

Ключевые слова: философия символизма, миф, символ, знак, религиозное сознание, культура Серебряного века, традиционные русские ценности

Для цитирования: Коваленко Н. Г. Теория символизма как основание философской мысли культуры Серебряного века // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 148–158. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14 EDN: QUAUVF

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

THE THEORY OF SYMBOLISM AS THE BASIS OF PHILOSOPHICAL THOUGHT OF THE CULTURE OF THE SILVER AGE

Natalya G. Kovalenko

St. Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Pushkin, Russia

nataly6707@mail.ru

Abstract. *Background.* The present study attempts to substantiate the philosophy of symbolism as a methodology of modern humanitarian cognition. One of the civilisational features of Russia and the domestic sphere of spiritual culture is such a historical and cultural phenomenon as the Silver Age. It was within its framework that the discussion and identification of the significance of the theory of the symbolic for the comprehension of the essence of being took place. The symbol as an instrument of synthesis of mythological and religious levels of spirituality became the bridge that united the outer world and the inner world of man as a person. Symbolic provides the unity of the sphere of culture and individual consciousness of a single person. Such an outstanding cultural figure of the Silver Age as A.F. Losev made a great contribution to the Russian philosophy of symbolism, which became one of the research objectives of this paper. The relevance of the study is confirmed by the fact that today the need to consolidate traditional values of the spirit is on the agenda, and the symbol is historically such a value. *Materials and methods.* The source of the work was the classical philosophical works of domestic thinkers (Berdyayev, Lossky, Losev, Florensky) and theorists of the philosophy of symbolism in its artistic and aesthetic form of the era of the turn of the 19th - 20th centuries. Methodologically justified itself applied the main method of research as a method of cultural-comparative with reliance on the principle of historicism. It allowed substantiating the thesis that the symbolic as signification or commemoration became a factor in the formation of human thinking and language, and the connection between mythological and religious is the beginning of the spirituality of humanity. *Results.* The main results of this work should include the proof of A.F. Losev's idea of the symbol as the integrity of objective reality, which encompasses the elements of abstract thinking: the opposition of elements of reality, the fusion of these elements into a synthetic whole, the generalisation of empirical experience in the form of a theoretical doctrine. According to Losev, the symbol of a thing is in the identification of internal regularity. *Conclusions.* The general conclusion of the study is the thesis that the Russian philosophy of symbolism and symbolism as a methodology for analyzing the aesthetic in the culture of the Silver Age had the most noticeable impact on the domestic and European spiritual cultures by trying to express the deep experiences of a person as a person. The existential orientation of Russian symbolism is still in demand today not only in historical and philosophical terms, but also in practical terms to preserve domestic traditional value guidelines.

Keywords: philosophy of symbolism, myth, symbol, sign, religious consciousness, culture of the Silver Age, traditional Russian values

For citation: Kovalenko N.G. The theory of symbolism as the basis of philosophical thought of the culture of the Silver Age. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo"* = *Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(3):148–158. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-3-14

Символ, по авторитетнейшему словарю Кондакова, многозначен, а его содержание есть «условный чувственно-воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой сигнал, которым человек обозначает какие-либо понятие (идею, мысль), предмет, действие или событие. Сама форма символа, как правило, не имеет сходства (подобия) с тем предметом, который символ представляет, на который символ указывает»¹. Процесс символизации

исторически охватывает широкий круг феноменов, наполняет их скрытыми значениями и имеет глубокие корни, уходящие в историю человечества. Философы-антропологи утверждают, что практика использования символов возникла одновременно с появлением человека, с формированием собственно человеческого в индивиде наряду с утверждением в его сознании таких духовных ценностей, как взаимопомощь и альтруизм, братство и соборность, солидарность и коллективность, что становятся ценностными ориентирами современного российского общества, практикующего волонтерское движение [1–3].

Социальный психолог Л. С. Выготский считает, что в процессе практической деятельности человека развивалось его психическое отражение, что привело к формированию потребности в коммуникативном означивании, в становлении феномена речи. Это, в свою очередь, способствовало возникновению символического мышления [4, 5]. Идея означивания или ознаменования как фактора языка, выдвинутая писателем-символистом Серебряного века В. Ивановым, стала тем синкретическим началом, которое обозначало потребность в символизации [6, с. 143–170; 180–196]. Для Иванова истинный символизм есть символизм реалистический, который, как пишет современный литературовед, «ищет в вещах знак их онтологической ценности и связи» [7]. Об этом сам Иванов писал, что «истинный символизм не отрывается от Земли; он хочет сочетать корни и звезды и вырастает звездным цветком из близких, родимых корней. Он не подменяет вещей и, говоря о море, понимает земное море» [8, с. 85].

Означивание как проблема языкового характера была одной из ведущих в творчестве символиста Иванова. Он говорил о том, что в древности жречество обладало способностью к тайным языкам с их символическими обозначениями, которые выражали истину о мире, о сущности вещей. Однако современные символисты с их узкоутилитарными потребностями обедняют язык, а это означает потерю связи человека и его языка с высшим миром. Восстановление этих утраченных связей, считал Иванов, и есть важнейшая задача современного означивания как фактора речи.

История идей символизма уже отчетливо видна в таких начальных формах духовной культуры, как мифы и религиозные учения. Эти культуросозидающие системы используют символы для передачи глубоких смыслов и духовных истин, отражая таким образом сложные концепции и идеи, концептуализируя традиционные духовные ценности [9–11]. Конец XIX – начало XX в. характеризовался возросшим вниманием российских исследователей к символизму в контексте анализа мифологии и религии. В этот период многие философы и теоретики художественно-эстетической культуры начали активно исследовать значение символики, ее роль в выражении скрытых смыслов и глубоких идей, лежащих в основе культурных и духовных традиций, включающих в себя и религиозно-мистические. Такие работы внесли значительный вклад в понимание механизмов функционирования мифа и религиозного сознания, раскрывая богатство символического языка и его влияние на формирование русских духовных ценностей в их традиционных смыслах. Особенно это заметно в трудах выдающегося отечественного философа и деятеля культуры Серебряного века А. Ф. Лосева [12, с. 65–75].

Для философии Лосева мифы – это сложные картины, соединяющие бытие и небытие, отражающие мудрость запредельного мира. По Лосеву, миф – это своего рода чудо, имя, возвращенное в смысл и идею, созерцаемая картина сущности и ее судеб в ином бытии [13–16]. Философ углубленно исследовал диалектику мифа, сосредоточивая внимание на взаимосвязях понятий схемы, аллегории и символа. В своих трудах он подчеркивал, что миф «не является исключительно схемой или аллегорией, но изначально представляет собой символ». По его мнению, символичность мифа позволяет включать в себя элементы схематизма, аллегорий и более сложных символических уровней [17, с. 62]. Миф, указывал Лосев, обладает семантической формой выражения и представляет собой систему знаков и символов. Он является наслоением историй, преданий, обстоятельств и фантазий. В мифологическом повествовании процессы духовного преобразования часто передаются через метафоры. Примером этому, отмечал Лосев в своих трудах об античности, служит космогония Гесиода, где транс-

формация Хаоса из неопределенного состояния в оформленное вещество символизирует начальное движение от хаотичности к организованности. Вечная пустота, лишенная формы, постепенно обретает структуру, наполняется знаками, богами и метафоричными сопоставлениями, становясь таким образом символом – приобретая символическую природу и преобразуясь в нечто осмысленное. Проблема Хаоса, или Энтропии, стала одной из основополагающих в науке конца XX столетия, когда вопрос самоорганизации как феномена природного и общественного состояний приобрел форму учения синергетики [18, с. 38–46].

В культурной сфере любое явление имеет потенциал стать символом, обретающим глубокий смысл. Именно эта особенность способствует возникновению различных мировоззренческих систем, каждая из которых воспринимает действительность через собственные уникальные символы и образы. Особо значимую роль, как мы отмечаем на примере творчества Лосева, здесь играют метафоры как первые примеры символического характера – они занимают центральное место в формировании мифов и служат невидимой основой для возникновения и эволюции мифологического восприятия реальности. Об этом впоследствии писал С. С. Аверинцев, который в своих трудах утверждал, что символ взял на себя социальные и коммуникативные функции мифа, продолжив его традицию взаимодействия с обществом [19, с. 156]. Аверинцев подчеркивает, что на этапе мифологического восприятия мира существует неразрывная связь между символической формой и ее содержанием. Тем не менее, указывал он, по мере исторического развития и усложнения процессов символизации символы постепенно обособляются, приобретая систематизированный характер и превращаясь в самостоятельные явления, образуя своеобразную философию символического.

Исторически переход от мифологического мышления к религиозному был сопряжен с развитием религиозной символики, которая трансформировала веру в стройную систему взаимосвязанных символов. Это стало средством выражения сакральных истин и способствовало формированию целостной картины мира, основанной на священных образах и ритуалах [20, с. 247]. В мировых религиях сложившиеся системы символов легли в основу универсальных мировоззренческих конструкций. Переход от простого обозначения явлений через символы к процессу символизации стал важным этапом эволюции символизма, открывающим новые горизонты интерпретации реальности и формирования духовного опыта. Если в мифах символы были отдельными элементами мыслительной деятельности, то в религии они стали ведущим содержанием богослужебной практики и догматики. Божественное творение в христианской трактовке, например, как выражение сущности Творца невозможно описать рациональными терминами, и лишь символ может намекнуть на его непостижимую сущность и величие. Точка зрения Т. Б. Захарян заключается в том, что верующий приписывает черты абсолютного всем элементам религиозного символа: самому символу, символизируемому божеству, а также процессу символического действия (например, обряду или ритуалу) [21, с. 20].

По мере перехода от символизации к символизму, который сопутствует развитию мифологии, религии и философии, символ постепенно становится основным понятием. Формируется самостоятельная философия символизма, где он подвергается систематическому осмыслению и обретает теоретико-методологические трактовки. Можно провести параллель с герменевтикой, которая исторически начиналась с аллегорий и в XIX столетии приобрела форму философской герменевтики [22]. Философия, будучи размышлением о самом процессе мышления, невозможна без рассуждений и аргументов, однако она не лишена метафоричности и наличия образных представлений. Образцы философского дискурса мы находим в античной философии Сократа и диалогах Платона [23], а символы бытия в виде природных стихий – в философии досократиков, например, огонь у Гераклита Эфесского. Огонь как символическое определение первоосновы космоса у Гераклита, образ его архэ, обладает способностью к сгущению и разрешению, что делает его началом всех вещей и их конечной целью [24, с. 134–140].

Философия Платона знаменует собой важный этап в развитии символизма. Его концепция мира Идей, представляющих собой сущностное ядро всех вещей, воплощает суть античного символизма. Вещи преходящи, тогда как идеи вечны. Как подчеркивает А. Ф. Лосев,

у Платона возникает эйдологизм – это не просто интуитивное восприятие материального мира и не теоретизирование о нем, а диалектическое понимание его сущности. М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, исследуя вклад Платона в теорию познания, его гносеологию, указывают на то, что у греческого философа идеи функционируют не как простые знаки, а как полновесные символы сознания. Поэтому Платон рассматривал вещи не как обозначения идей в уме человека, а скорее, как знаки, указывающие на сами идеи [25, с. 94]. Идеи Платона, формирующие особый абсолютный мир истины, служат прообразами вещей и остаются недоступными для человеческого сознания и процесса познания. А вместе с тем возникают условия для постепенного сближения природной среды и символического пространства культуры, что способствует частичному объединению земного и сверхъестественного миров.

Абсолютное тождество символизма проявляется в культуре и вероучении христианства. Здесь, как отмечает С. С. Аверинцев, формируется «глубокий символизм» и «дидактический аллегоризм». Религиозная философия и религиозно-философский символизм становятся основой европейской, а затем и отечественной духовной культуры. По мнению Аверинцева, «глубокий символизм» предполагает многослойность значения символа, который отражает идею всеобщей гармонии и единства космоса и человеческой природы. «Дидактический аллегоризм» же представляет собой давний метод закрепления смысла в культуре [26].

Как известно, русская духовная культура пережила один из своих важнейших этапов в Серебряном веке, который оказал значительное влияние как на развитие теории символа, так и на его художественное воплощение. Культура этого периода обогатила феномен символизма самобытностью, художественностью и эмоциональной насыщенностью. Поэты-символисты, среди которых выделяется Андрей Белый, использовали символику для выражения самых насущных вопросов мировоззрения. В своей философской работе «Символизм как миропонимание» Белый предложил сложную и многогранную теорию символизма, добавив к ней иерархию символических видов искусства. Он решительно отвергал мнение, будто символизм – всего лишь одна из множества доктрин, настаивая на том, что символизм – это особый путь постижения мира. Белый утверждал, что символы позволяют проникнуть в глубинные проявления Вселенной и раскрыть загадки человеческой жизни. В своем труде он определяет символ так: «Процесс психологического словообразования включает три этапа:

- 1) этап эпитета, характеризующийся приписыванием определений объекту;
- 2) этап сравнения, когда эпитеты начинают вызывать ассоциации с новыми предметами;
- 3) этап аллюзии, или символизма, на котором происходит столкновение двух объектов, рождающее новое понятие, которое не содержится ни в одном из сравниваемых элементов. Именно на этой последней стадии формируется символ – неделимая целостность, обладающая уникальным смыслом» [20, с. 140–141].

Как мы отмечали, теоретик символизма эпохи Серебряного века Вячеслав Иванов исследовал символизм на примере современной ему литературы, а также анализировал его проявления в религиозном искусстве и изучал природу слова, утрату им живости и эмоциональности. Развивая идеи Андрея Белого, Иванов обращался к античному дионисийству и христианству, объединяя их в символическую религию. По его мнению, символ выступает как знак или предвестие, обладающее тайной многозначностью и множеством смыслов. Он уподобляет символ солнечному лучу, пронизывающему разные уровни бытия и сознания, обозначая в каждом из них особые сущности и выполняя специфические функции. Иванов утверждает, что символ – это многозначный знак, порождающий дискуссии и разнообразные толкования. Символ выступает своего рода средоточием противоречивых смыслов, словно световой луч, который преломляется и отражается, проходя через различные уровни человеческого сознания. В точках соприкосновения символа с этими уровнями он превращается в знамение – многогранное проявление смысла, наполненное глубокой семантической насыщенностью [9, с. 57]. Историк русской философии Николай Онуфриевич Лосский, характеризуя теорию символического Иванова, подчеркивает, что для него символы есть те тонкие намеки на скрытые стороны действительности, которые невозможно адекватно выразить обычными средствами языка. Символы здесь являются основой для создания мифов, посредством которых выражается глубокая истина, не подвластная рациональному языку [27, с. 389].

Николай Александрович Бердяев как философ-персоналист, отстаивая приоритет духовного мира человека в его поисках нового религиозного сознания (неохристианства), отмечал, что символическое восприятие мира в традициях культуры Серебряного века является единственным подлинно глубоким способом осознать и почувствовать тайну существования и глубину бытия. Он указывал, что наша земная, повседневная человеческая жизнь обретает смысл только тогда, когда она освящается символически [28, с. 51].

Поэты-символисты Гиппиус, Белый, Иванов, писатель-теоретик Дмитрий Мережковский дополняли свои литературные произведения теоретическими размышлениями о символизме. Они рассматривали символ как неразложимое единство (А. Белый), как многосмысленный иероглиф (В. Иванов) и предлагали другие интерпретации. Творчество русских символистов рубежа XIX–XX вв. как явление художественной культуры стало значимым этапом в развитии философии символизма. Оно оставило значительный след как в деятельности последующих школ неосимволизма, где символизм развивался через сочетание аналитического подхода к категории символа с художественной символизацией, так и в современных ему философских течениях, таких как экзистенциализм и философия жизни. Например, французский философ Поль Рикер синтезировал принципы феноменологии с экзистенциализмом и персонализмом, и в своих исследованиях символа и символического испытывал определенное влияние работ Вячеслава Иванова [29, 30]. В рамках своей герменевтической концепции символов Рикер утверждает:

«1. Символ остается непроницаемым и непрозрачным, поскольку он дан через аналогию, основанную на буквальном значении, которое придает ему одновременно конкретные истоки и материальную весомость.

2. Символ оказывается зависимым от многообразия языков и культур, и в этом смысле остается произвольным: почему именно такие, а не иные символы используются?

3. Символы стимулируют размышления исключительно через интерпретацию, которая всегда сложна и неоднозначна» [31, с. 393]. Символ, по Рикеру, это некая тайна и многозначность, но при этом он, как истинный символ, связан с жизнью и материальной весомостью. Это очень близко к характеристике символизма как «истинного символизма» Вячеслава Иванова.

В развитии философии символизма важную роль сыграли работы отца Павла Флоренского, А. Ф. Лосева, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского. Флоренский исследовал происхождение имен и феномен иконописи, выделяя символические аспекты этих проявлений духовной деятельности. Он понимал символ как «живое органичное единство», где отображаемый объект и само отображение, символизирующий элемент и символизируемый предмет сливаются воедино, образуя неразделимое целое [32, с. 178]. Павел Александрович Флоренский рассматривал символ как ключевое понятие в постижении Имени Божьего, связывая его с религиозными представлениями об Абсолюте. Символ, согласно его определению, выходит за пределы своего непосредственного значения, приобретая смысл, значительно превосходящий его собственное существование. Энергетика символа тесно переплетена с энергетикой той высшей ценности, которую он воплощает, и посредством этой связи передает ее в воспринимаемом мире [33, с. 287].

Именно Алексей Федорович Лосев, по нашему убеждению, создал наиболее всесторонне разработанную философию символизма. Он изучал логос, миф и человеческую культуру в целом сквозь призму символического. Лосев воспринимал символ как целостное единство противоположностей и интерпретировал его через ряд философских категорий: Первоединое – Эйдос – Миф – Символ – Личность – Энергия сущности – Имя – Природа – Культура. Для Лосева символ – явление многогранное, поэтому он не ограничивался одним определением, единой дефиницией. Русский философ признавал знаковую природу символа, но видел в нем нечто большее, чем простой знак или художественный образ, что было наиболее привлекательным для творцов культуры Серебряного века. Для Лосева символ был феноменом объективной реальности, охватывающим все, что характерно для абстрактного мышления: четкое деление и противопоставление элементов действительности, их слияние в единое синтетическое целое, обобщение накопленного опыта и преобразование воспринятой реальности в общие закономерности.

Лосев определил девять основных аспектов, раскрывающих структуру символа в его теории. По Лосеву, символ вещи есть ее внутренний смысл; он выражает обобщенный образ вещи, обогащая ее внутренним смыслом и закономерностью, но при этом сохраняет ее уникальную, опытную конкретность. Символ вещи – это упорядоченная структура, заданная общим принципом ее смыслового построения, но не замкнутая в себе, а наполненная множеством индивидуальных проявлений, связанных с ней. Наконец, символ вещи – это ее знак, не статичный и безжизненный, а динамично порождающий множество структур и выражающий идею в ее абстрактной, согласованной форме [17, с. 272].

В своем труде «Проблема символа и реалистическое искусство» [34], опубликованном в 1976 г., Лосев глубоко проанализировал структуру символа, акцентируя внимание на его многогранности и взаимосвязи с другими понятиями философского дискурса. Он определил ключевые составляющие структуры символа:

- **предметный образ и глубинный смысл** выступают как две неразрывно связанные составляющие: смысл не может существовать без образа, так как теряет свою проявленность, а образ без смысла распадается на отдельные элементы;

- **закономерная упорядоченность**: символ представляет собой общий принцип смыслового построения, является моделью вещи;

- **семантический континуум**: отношения между тем, что обозначает символ, и тем, как он это делает, обладают бесконечными вариациями оттенков и интерпретаций, при этом сохраняя неизменные элементы заданной структуры [35, 36].

Труду «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке», авторами которого являются Мераб Мамардашвили и Александр Пятигорский, принадлежит значительная роль в развитии современной философии символического. Исследователи проанализировали структуры и модели сознания, а также показали, как взаимодействие символических и природных языковых систем формирует особенности различных культур. Мамардашвили и Пятигорский разработали принципы взаимоотношений между символом и сознанием, рассматривая символ не как отражение предметов и явлений, а как основу и итог сознательной деятельности. С точки зрения ученых, «за символом в смысле конкретности сознания на самом деле ничего не стоит, и когда идет речь о подсознательном, то это свидетельствует только о том, что нам неизвестен механизм обратной декодировки символов сознания» [25, с. 100]. Философы полагали, что мир символов представляет собой пространство, позволяющее одновременно проводить глубокий анализ разнообразных идеологических компонентов любой культуры. Тем самым символизм утверждался как метод исследования культурных явлений, а сам символ превращался в инструмент для их понимания. Философия символизма, таким образом, по своему теоретико-методологическому значению превращается в методологию постижения духовной культуры, сопоставимой, как мы отмечали, с философской герменевтикой.

Исследовав генезис символического на примере историко-культурного феномена русского Серебряного века, мы приходим к следующим выводам.

Во-первых, исторически основу теории и практики символизма заложили древние опыты символизации и накопление значимости работы с символами. Эти практики нашли отражение в таких мощных мировоззренческих системах, как мифология и религия, которые стали исторически первыми формами духовной культуры человечества. Символическое было предпосылкой человеческого мышления в целом. Истоки символизма как теории уходят корнями в эпоху зарождения философской рефлексии, когда человек начал осознанно задумываться над сущностью окружающего мира и пытался выразить свои идеи через абстрактные образы. Метафора, таким образом, стала одной из ступенек на этом пути феномена символического. Можно выделить две ключевые стадии теоретического символизма: философско-мифологическую и религиозно-философскую. На первой стадии символизм впервые подвергся философскому осмыслению, а на второй вошел в философско-теологические концепции отцов христианской Церкви. Это свидетельствует о постепенном переходе символизма из области архаичных форм сознания в сферу рациональной философии.

Во-вторых, на отечественной почве особое значение приобрел философский символизм, который нашел отражение в теории символизма эпохи Серебряного века. Он стремился выразить глубинные переживания личности, используя образы и аллегории, чтобы создать особую атмосферу поиска им нового религиозного сознания или, по Бердяеву, «неохристианства». Особенно это было значимо для символического направления (Гиппиус, Белый, Иванов и др.). Символическое для деятелей Серебряного века в целом стало методом культурного освоения и творческой активности в духовной сфере. Русские философы восприняли символ как инструмент для постижения сущности бытия, предлагая оригинальные трактовки символического восприятия реальности через мифологию и религию. Работы таких выдающихся мыслителей, как Алексей Лосев, отец Павел Флоренский, Николай Бердяев и Мераб Мамардашвили, внесли значительный вклад в понимание роли символа в духовной жизни общества. В формировании философии символизма особая роль принадлежит изысканиям Лосева в области диалектики мифа, философии имяславия и истории античной философии в области эстетики.

Список литературы

1. Безвластие: реалья или утопия? Анархистские идеи переустройства общества : коллективная монография / науч. ред. П. И. Талеров. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, 2025. 588 с. EDN: [UECEAQ](#)
2. Апология безвластия: Анархистская альтернатива решения социально-политических проблем / науч. ред. П. И. Талеров. СПб. : Русская христианская гуманитарная академия, 2022. 428 с. EDN: [BUGQWY](#)
3. Арефьев М. А., Давыденкова А. Г., Василенкова А. А. Феномен волонтерства как отражение традиционной ценности взаимопомощи и поддержки (к 100-летию ухода из жизни П. А. Кропоткина) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21, № 3 (55). С. 262–272. doi: [10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272](#) EDN: [VALKSZ](#)
4. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : АСТ, 2024. 572 с.
5. Выготский Л. С. Психология искусства. М. : АСТ, 2017. 496 с. EDN: [ZSLDNJ](#).
6. Иванов В. И. Родное и вселенское / сост., вступ. ст. и примеч. В. М. Толмачева. М. : Республика, 1994. 427 с.
7. Минералова И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма. М. : Флинта, 2009. 272 с. EDN: [SUSTEZ](#)
8. От символизма до «Октября» / сост. Н. Л. Бродский, Н. П. Сидоров. М. : Новая Москва, 1924. 303 с.
9. Мириманов В. Б. Искусство и миф : центральный образ картины мира : монография. М. : Согласие, 1997. 327 с. EDN: [SBFEON](#)
10. Погодин А. Л. Боги и герои Эллады. М. : Вече, 2024. 343.
11. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия / сост. Б. С. Ерасов. М. : Аспект пресс, 1999. 555 с.
12. Коваленко Н. Г. Символический подход к проблеме мифотворчества в философии А. Ф. Лосева (к 130-летию со дня рождения) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Т. 10, № 3А. С. 65–75. doi: [10.34670/AR.2021.82.72.008](#) EDN: [YROIZU](#)
13. Лосев А. Ф. Самое само. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 1022 с.
14. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М. : Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
15. Лосев А. Ф. Философия имени. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2016. 672 с.
16. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Академический Проект, 2008. 303 с.
17. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / авт. вступ. ст. А. А. Тахо-Годи. М. : Политиздат, 1991. 525 с.
18. О роли социальной синергетики в познании современного мира / М. В. Ненашева, А. В. Макулин, Н. М. Теребихин, В. В. Демяшина // Общество: философия, история, культура. 2025. № 2 (130). С. 38–46. doi: [10.24158/fik.2025.2.4](#) EDN: [DFRZGR](#)
19. Аверинцев С. С. София-Логос. Киев : Дух і Літера, 2001. 460 с. EDN: [YUFYWG](#)
20. Белый А. Символизм как миропонимание / авт. вступ. ст. и примеч. Л. Сугай. М. : Республика, 1994. 528 с.
21. Захарян Т. Б. Сакральный символ в языке религии : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Екатеринбург, 2006. 25 с.

22. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского ; науч. ред. Н. О. Гучинская. СПб. : Европейский Дом, 2004. 241 с. EDN: [RWKBOP](#)
23. Платон. Государство. Диалоги. Апология Сократа. М. : Эксмо, 2024. 733 с.
24. Романенко Ю. М. Современность мифа или миф современности // Россия – историко-культурные константы и перспективы развития детства : сб. науч. тр. XXX Междунар. конф. (г. Санкт-Петербург, 17–18 апреля 2024 г.). Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. С. 134–140. EDN: [JEPYSP](#)
25. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М., Сенокосов Ю. П. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с. EDN: [SUMCJX](#)
26. Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое. Римские речи. М. : Никея, 2023. 395 с.
27. Лосский Н. О. История русской философии. М. : Сов. писатель, 1991. 478 с.
28. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 480 с. EDN: [TJMLWL](#)
29. Иванова А. И. О роли религиозного символа в изучении сущности человека: Поль // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 1 (217). С. 17–23. doi: [10.18522/2687-0770-2023-1-17-23](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-1-17-23) EDN: [HEPKIT](#)
30. Медведев Н. В. Герменевтическая философия Поля Рикера // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 10 (114). С. 252–256. EDN: [PJIRTB](#)
31. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. 624 с.
32. Флоренский П. А. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1994. 797 с.
33. Флоренский П. А. Сочинения : в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли. М. : Правда, 1990. 448 с.
34. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М. : Искусство, 1995. 320 с.
35. Коваленко Н. Г. Проблемы «символа» и «символизма» в философии А. Ф. Лосева // Молодые ученые в научном обеспечении сельского хозяйства на современном этапе : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых Северо-Западного федерального округа (г. Санкт-Петербург, Пушкин, 18–21 ноября 2003 г.). Ч. 2. Санкт-Петербург, Пушкин : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2004. С. 180–183. EDN: [TDLEFM](#)
36. Коваленко Н. Г. Символ, символическое мышление и символизм в культуре // Актуальные вопросы философии, культурологии, социологии и политологии : сб. ст. / под ред. М. В. Москалева. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2007. С. 126–139. EDN: [VNRUFS](#)

References

1. Talerov P.I. (ed.). *Bezvlastie: realiya ili utopiya? Anarkhistskie idei pereustroystva obshchestva: kollektivnaya monografiya = Anarchy: reality or utopia? Anarchist ideas for reorganizing society: a collective monograph*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F.M. Dostoevskogo, 2025:588. (In Russ.)
2. Talerov P.I. (ed.). *Apologiya bezvlastiya: Anarkhistskaya al'ternativa resheniya sotsial'no-politicheskikh problem = Apology of anarchy: An anarchist alternative to solving socio-political problems*. Saint Petersburg: Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2022:428. (In Russ.)
3. Aref'ev M.A., Davydenkova A.G., Vasilenkova A.A. The phenomenon of volunteerism as a reflection of the traditional value of mutual assistance and support (on the 100th anniversary of the death of P.A. Kropotkin) // *Gumanitariy: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya = Humanitarian: current issues in humanities and education*. 2021;21(3):262–272. (In Russ.). doi: [10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272](https://doi.org/10.15507/2078-9823.55.021.202103.262-272)
4. Vygot'skiy L.S. *Myshlenie i rech' = Thinking and speech*. Moscow: AST, 2024:572. (In Russ.)
5. Vygot'skiy L.S. *Psikhologiya iskusstva = Psychology of Art*. Moscow: AST, 2017:496. (In Russ.)
6. Ivanov V.I. *Rodnoe i vselenskoe = Native and universal*. Moscow: Respublika, 1994:427. (In Russ.)
7. Mineralova I.G. *Russkaya literatura Serebryanogo veka. Poetika simvolizma = Russian literature of the Silver Age. Poetics of Symbolism*. Moscow: Flinta, 2009:272. (In Russ.)
8. N.L. Brodskiy, Sidorov N.P. (comp.). *Ot simvolizma do «Oktyabrya» = From symbolism to October revolution*. Moscow: Novaya Moskva, 1924:303. (In Russ.)
9. Mirimanov V.B. *Iskusstvo i mif: tsentral'nyy obraz kartiny mira: monografiya = Art and myth: the central image of the world picture: monograph*. Moscow: Soglasie, 1997:327. (In Russ.)
10. Pogodin A.L. *Bogi i geroi Ellady = Gods and heroes of Hellas*. Moscow: Veche, 2024:343. (In Russ.)

11. Erasov B.S. (comp.). *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsiy: khrestomatiya = Comparative study of civilizations: a reader*. Moscow: Aspekt press, 1999:555. (In Russ.)
12. Kovalenko N.G. Symbolic approach to the problem of myth-making in the philosophy of A.F. Losev (on the 130th anniversary of his birth). *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2021;10(3A):65–75. (In Russ.). doi: [10.34670/AR.2021.82.72.008](https://doi.org/10.34670/AR.2021.82.72.008)
13. Losev A.F. *Samoe samo = The very self*. Moscow: EKSMO-Press, 1999:1022. (In Russ.)
14. Losev A.F. *Znak. Simvol. Mif: trudy po yazykoznaniyu = Sign. Symbol. Myth: works on linguistics*. Moscow: Izd-vo MGU, 1982:480. (In Russ.)
15. Losev A.F. *Filosofiya imeni = Philosophy of the name*. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2016:672. (In Russ.)
16. Losev A.F. *Dialektika mifa = Dialectics of myth*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2008:303. (In Russ.)
17. Losev A.F. *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura = Philosophy. Mythology. Culture*. Moscow: Politizdat, 1991:525. (In Russ.)
18. Nenasheva M.V., Makulin A.V., Terebikhin N.M., Demyashina V.V. On the role of social synergetics in understanding the modern world. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*. 2025;(2):38–46. (In Russ.). doi: [10.24158/fik.2025.2.4](https://doi.org/10.24158/fik.2025.2.4)
19. Averintsev S.S. *Sofiya-Logos = Sophia-Logos*. Kiev: Dukh i Litera, 2001:460.
20. Belyy A. *Simvolizm kak miroponimanie = Symbolism as a worldview*. Moscow: Respublika, 1994:528. (In Russ.)
21. Zakharyan T.B. Sacred symbol in the language of religion: PhD abstract. Ekaterinburg, 2006:25. (In Russ.)
22. Shleyermakher F. *Germenevtika = Hermeneutics*. Translated from German by A.L. Volsky; scientific editor N.O. Guchinskaya. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2004:241. (In Russ.)
23. Platon. *Gosudarstvo. Dialogi. Apologiya Sokrata = State. Dialogues. Apology of Socrates*. Moscow: Eksmo, 2024:733. (In Russ.)
24. Romanenko Yu.M. The modernity of myth or the myth of modernity. *Rossiya – istoriko-kul'turnye konstanty i perspektivy razvitiya detstva: sb. nauch. tr. XXX Mezhdunar. konf. (g. Sankt-Peterburg, 17–18 aprelya 2024 g.) = Russia is historical and cultural constants and prospects for the development of childhood: proceedings of the XXX International Conference (St. Petersburg, April 17–18, 2024)*. Saint Petersburg: POLITEKh-PRESS, 2024:134–140. (In Russ.)
25. Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M., Senokosov Yu.P. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke = Symbol and consciousness. metaphysical reflections on consciousness, symbolism and language*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury», 1997:224. (In Russ.)
26. Averintsev S.S. *Slovo Bozhie i slovo chelovecheskoe. Rimskie rechi = The Word of God and the Word of Man. Roman Speeches*. Moscow: Nikeya, 2023:395. (In Russ.)
27. Losskiy N.O. *Istoriya russkoy filosofii = History of Russian philosophy*. Moscow: Sov. pisatel', 1991:478. (In Russ.)
28. Berdyaev N.A. *Filosofiya svobodnogo dukkha = Philosophy of free spirit*. Moscow: Respublika, 1994:480. (In Russ.)
29. Ivanova A.I. On the role of religious symbol in the study of human essence: Paul. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki = University proceedings. North Caucasian region. Social sciences*. 2023;(1):17–23. (In Russ.). doi: [10.18522/2687-0770-2023-1-17-23](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-1-17-23)
30. Medvedev N.V. The Hermeneutic Philosophy of Paul Ricoeur. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Bulletin. Series: Humanities*. 2012;(10):252–256. (In Russ.)
31. Riker P. *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike = Conflict of interpretations. Essays on Hermeneutics*. Moscow: KANON-press-Ts: Kuchkovo pole, 2002:624. (In Russ.)
32. Florenskiy P.A. *Sochineniya: v 4 t. T. 1 = Essays in 4 volumes. Volume 1*. Moscow: Mysl', 1994:797. (In Russ.)
33. Florenskiy P.A. *Sochineniya: v 2 t. T. 2: U vodorazdelov mysli istiny = Essays in 2 volumes. Volume 2: at the watersheds of thought are truths*. Moscow: Pravda, 1990:448. (In Russ.)
34. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The problem of symbol and realistic art*. Moscow: Iskusstvo, 1995:320. (In Russ.)
35. Kovalenko N.G. Problems of "symbol" and "symbolism" in the philosophy of A.F. Losev. *Molodye uchenye v nauchnom obespechenii sel'skogo khozyaystva na sovremennom etape: sb. nauch. tr. Vse-ros. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga (g. Sankt-Peterburg,*

Pushkin, 18–21 noyabrya 2003 g.). Ch. 2. = *Young scientists in scientific education of rural economy in the modern era: proceedings of the All-Russian scientific-practical conference of young people of the North-Western federal district* (St. Petersburg, Pushkin, November 18–21, 2003). Part 2. Saint Petersburg, Pushkin: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2004:180–183. (In Russ.)

36. Kovalenko N.G. Symbol, symbolic thinking and symbolism in culture. *Aktual'nye voprosy filosofii, kul'turologii, sotsiologii i politologii: sb. st.* = *Current issues in philosophy, cultural studies, sociology and political science: proceedings*. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet, 2007:126–139. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Н. Г. Коваленко – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 196601, г. Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, 2. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5397-316X>

N.G. Kovalenko – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Highway street, St. Petersburg, Pushkin, 196601. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5397-316X>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 07.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 22.06.2025

Принята к публикации / Accepted 30.07.2025